

УДК 94(44)“1830/1848” + 821.133.1

«Наполеоновская легенда» как часть официальной идеологии  
Июльской монархии (по произведениям В. Гюго и А. Дюма)

Полина А. Баландина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы  
при Президенте Российской Федерации,  
Москва, Россия, [pol-bal.balandina@yandex.ru](mailto:pol-bal.balandina@yandex.ru)*

*Аннотация.* Статья посвящена анализу трансформации «наполеоновской легенды» в культурном пространстве Франции в годы Июльской монархии (1830–1840 гг.). «Наполеоновская легенда» понимается как динамический комплекс представлений и стереотипов, существующий в сфере коллективной памяти. В контексте правления Луи-Филиппа Орлеанского рассматривается процесс интеграции образа Наполеона Бонапарта в официальную идеологию Франции. Особое внимание уделяется средствам идеологической адаптации фигуры императора к новым политическим реалиям, в том числе политическая нейтрализация образа Бонапарта, его сакрализация и интеграция эпохи Империи в единый нарратив французской истории. Исследование основано на анализе литературных произведений В. Гюго и А. Дюма, которые рассматриваются как значимые агенты формирования коллективного исторического воображения. Художественные произведения авторов изучаются как средство культурной легитимации власти короля. В ходе исследования показано, каким образом новая интерпретация образа Наполеона способствовала превращению императора из потенциально опасного политического символа в фигуру общего для всех французов героического прошлого. Автор приходит к выводу о том, что «возрождение» «наполеоновской легенды» в рассматриваемый период становится частью стратегии преодоления «кризиса памяти» и конструирования исторической преемственности.

---

© Баландина П.А., 2026

*Ключевые слова:* наполеоновская легенда, Июльская монархия, историческая память, политика памяти, Виктор Гюго, Александр Дюма

*Для цитирования:* Баландина П.А. «Наполеоновская легенда» как часть официальной идеологии Июльской монархии (по произведениям В. Гюго и А. Дюма) // Молодой историк. 2026. № 2(6). С. 10-25.

“The Napoleonic Legend” in the Official Ideology  
of the July Monarchy  
(Based on the Works of V. Hugo and A. Dumas)

Polina A. Balandina

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, [pol-bal.balandina@yandex.ru](mailto:pol-bal.balandina@yandex.ru)*

*Abstract.* This article examines the transformation of the “Napoleonic legend” within the cultural environment of France during the July Monarchy (1830–1840). “The Napoleonic legend” is interpreted as a dynamic constellation of representations and stereotypes functioning within the collective memory. The author considers the process through which the image of Napoleon Bonaparte was incorporated into the ideology of France during the reign of Louis-Philippe d’Orleans. Particular attention is paid to the mechanisms of the ideological adaptation of the emperor’s figure to new political realities, including the political neutralisation of Bonaparte’s image, its sacralization, and the integration of the Imperial era into a unified narrative of French history. The research is based on V. Hugo’s and A. Dumas’ works. Both authors are treated as significant agents in the creation of collective historical imagination and their writings are examined as means of cultural legitimation of the king’s authority. The study demonstrates how new interpretations of Napoleon’s image contributed to the semantic transformation of the emperor from a potentially destabilizing political symbol into a figure of a shared heroic past. It is concluded that the revival of the “Napoleonic legend” during the examined period became a part of a broader strategy aimed at

overcoming the memory crisis and constituting continuity of the national history.

*Keywords:* Napoleonic legend, July Monarchy, collective memory, memory policy, Victor Hugo, Alexandre Dumas

*For citation:* Balandina, P.A. (2026), “‘The Napoleonic Legend’ in the Official Ideology of the July Monarchy (Based on the Works of Victor Hugo and Alexandre Dumas)”, *Young Historian*, no. 2, pp. 10-25.

Фигура Наполеона Бонапарта занимает уникальное место в истории Франции: сложно представить себе персонажа, в отношении которого грань между реальным историческим деятелем и продуктом культурного мифа была бы настолько же неуловима. Формирование «наполеоновской легенды» – системы устойчивых представлений о Бонапарте – началось еще при его жизни, а после падения Империи и смерти Наполеона миф о нем продолжил развиваться в двух вариациях: «золотой», восхваляющей, и «черной», демонизирующей. В условиях политической нестабильности и частой смены режимов во Франции обращение к фигуре Наполеона стало инструментом идеологической борьбы: высказывание об императоре в рамках логики одной из версий «легенды» зачастую превращалось и в высказывание о свободе, Революции, идеальном политическом устройстве... Другими словами, Наполеон Бонапарт может рассматриваться историками не только как человек и политик, но и как символ, который постоянно подвергается переосмыслению. В этом смысле «наполеоновская легенда» – не просто культ личности, а важнейший элемент культурной памяти и яркий пример политической инструментализации истории.

С точки зрения изучения истории наполеоновской легенды особенно значимым представляется период Июльской монархии (1830–1848 гг.), когда предпринимаются первые масштабные попытки интеграции наследия Бонапарта в официальную идеологию, а значит, и институционализации памяти об императоре. Режим короля Луи-Филиппа Орлеанского, сочетавший революционное и монархическое начала, нуждался, с одной стороны, в обоснованиях своей легитимности, а с другой – в

символах, способных обеспечить национальную консолидацию. Образ Наполеона, обладавший огромным авторитетом в сознании широких слоев населения, в особенности среди многочисленных ветеранов Великой армии, оказался важным, но потенциально опасным с политической точки зрения ресурсом. Таким образом, одна из задач власти заключалась в том, чтобы преобразовать этот образ в символ общенационального единства и гордости, совместимый с ценностями нового порядка.

Однако этого нельзя было достичь исключительно средствами официальной пропаганды и государственной культурно-исторической политики. Культурная легитимация Июльской монархии посредством апелляции к образу Наполеона Бонапарта происходила не только «сверху», в залах музеев и на церемониях открытия памятников, но и через интерпретацию и переработку исторического материала в произведениях искусства, прежде всего в художественной литературе. Попытка проследить трансформацию «наполеоновской легенды» в первой половине 1830-х гг., опираясь на анализ репрезентаций Наполеона в литературных текстах, согласующихся с официальным дискурсом, предпринимается в рамках этой статьи на примере произведений двух самых популярных авторов эпохи [Робб 2016, с. 202] – Виктора Гюго и Александра Дюма.

Разумеется, ни Гюго, ни Дюма нельзя однозначно назвать «рупорами» режима Июльской монархии – их политические взгляды были подвижны. По отдельным вопросам, таким как цензура, писатели даже высказывали оппозиционные точки зрения, как в случае с выступлением Гюго против цензурной политики государства после запрета его пьесы «Король забавляется» [Робб 2016, с. 166–168]. Вместе с этим отношения обоих авторов с властями можно охарактеризовать как взаимовыгодное сотрудничество. Виктор Гюго, к 1830 г. окончательно отказавшийся от своих ультрароялистских взглядов, был близко знаком с членами королевской семьи, принимал участие в разработке исторической политики и являлся членом Академии наук, а к концу десятилетия получил титул пэра Франции благодаря личному ходатайству Луи-Филиппа [Робб 2016, с. 168–185]. Александр Дюма, в свою очередь, активно сотрудничал

с государственными культурными учреждениями. В частности, рассматриваемая в этой статье пьеса «Наполеон Бонапарт, или Тридцать лет французской истории»<sup>1</sup> была написана специально для сцены «Одеона», который считался королевским театром и получал субсидии из казны [Мильчина 2013, с. 664], и стала одним из самых масштабных проектов не только в рамках театрального сезона 1830–1831 гг., но и в истории театра в целом. Соответственно, представляется правомерным рассматривать творчество Гюго и Дюма с точки зрения формирования образа прошлого, приемлемого для новой власти и созвучного официальному историческому дискурсу эпохи.

В качестве источниковой базы для данного исследования были отобраны два произведения Гюго: ода «К июлю 1830 г.», написанная в ответ на события Трех славных дней и позже опубликованная в составе сборника «Песни сумерек»<sup>2</sup>, и поэма «Возвращение императора»<sup>3</sup>, посвященная церемонии перезахоронения праха Наполеона в 1840 г., а также упомянутая выше пьеса Дюма, премьера которой состоялась зимой 1830–1831 гг.

Как показывает анализ предлагаемых Гюго и Дюма интерпретаций образа Наполеона, попытка реинтеграции фигуры императора в культурное пространство 1830-х гг. потребовала не просто реабилитации его образа и символического «очищения» от навязываемой режимом Реставрации «черной» легенды о «корсиканском чудовище», но и идеологической адаптации наполеоновского наследия, в первую очередь – за счет «политической нейтрализации» Бонапарта. Можно выделить несколько ключевых механизмов превращения Наполеона из политического символа в объект героического прошлого, достойный всеобщего почитания.

Наиболее очевидной стратегией политической нейтрализации становится символическое расщепление образа

---

<sup>1</sup> Dumas A. Napoléon Bonaparte, ou, Trente ans de l'histoire de France: drame en six actes. Paris, 1831.

<sup>2</sup> Hugo V. Les Chants du Crépuscule // V. Hugo. Poésie: Les Chants du Crépuscule, Les Voix Intérieures, Les Rayons et les Ombres. Paris, 1885. P. 11–187.

<sup>3</sup> Hugo V. Le Retour de l'Empereur. Paris, 1840.

Наполеона на две сущности – военного и политика. В пьесе Дюма можно найти немало сцен, где эти две ипостаси главного героя осознаются как вполне самостоятельные. Так, в момент своей коронации Наполеон Бонапарт символически «разделяется» на две сущности, «консул Бонапарт» становится «императором Наполеоном»<sup>4</sup>.

При этом Бонапарт – в первую очередь генерал, а не консул. Разделение военной и политической идентичностей особенно ярко прослеживается в диалоге между Наполеоном и Жозефиной перед коронацией. Будущая императрица выражает опасение, что фортуна может не узнать ее мужа в новом статусе: «Она будет искать тебя в палатке, а ты будешь на троне»<sup>5</sup>. В этой сцене персонаж Дюма полон надежд и убежден в том, что счастливая звезда генерала Бонапарта будет сиять и для императора Наполеона; однако безвыходное положение, в котором в конечном итоге оказался император, означает символическую победу «военной» составляющей его образа. Неслучайно в сцене, где Наполеон пытается найти способ сохранить власть и одержать победу над союзниками, он обращается за помощью к прошлой версии себя: «Давай, давай, Бонапарт, спаси Наполеона!»<sup>6</sup>.

Стоит также отметить, что доминирование военной составляющей образа главного героя прослеживается и в выборе эпизодов из жизни императора, включенных в пьесу: почти все действия построены вокруг самых ярких моментов карьеры Наполеона-полководца: представлены сражения Итальянской кампании, переход через Березину, триумфальные Сто дней и неизбежное сражение при Ватерлоо, в то время как путь Наполеона-политика почти не репрезентован, за исключением эпизодов коронации и отречения от престола. Подобное смещение акцентов в биографии Бонапарта способствует превращению фигуры бывшего императора из потенциального инструмента политической борьбы в символ героического прошлого и объект национальной гордости, создание ассоциаций с которым позволяло укрепить позитивный образ действующей власти.

---

<sup>4</sup> Dumas A. Op. cit. P. 50.

<sup>5</sup> Ibid. P. 51.

<sup>6</sup> Ibid. P. 108.

Свидетельства превращения Наполеона Бонапарта в политически нейтральный исторический символ можно найти и в поэме Виктора Гюго «Возвращение императора». Под «возвращением» автор понимает не восстановление Империи как формы правления, а скорее символическое воссоединение духа императора с духом французов: «... О, я вернусь, все тот же я // Один, без пурпура и венца»<sup>7</sup>. Образ Наполеона становится сакральным, на что указывают многочисленные небесные метафоры, такие как молнии или буря. Вместе с этим в интерпретации Гюго вернувшийся император лишен политической субъектности – он окружен всеобщим восторгом, но никак не может на него «ответить»: «Ведь, о, гигант, лежа в глубокой тени, // В то время, как вокруг Вас // Будут пробуждаться Париж, Франция, весь мир! // Вы будете спать»<sup>8</sup>. В этом сне Наполеон уподобляется другим великим героям истории и становится «немым богом»<sup>9</sup>.

Таким образом, сакрализация, подчеркнутая высокой лексикой и религиозными образами, становится еще одним способом нейтрализации образа Наполеона Бонапарта: в лирике Гюго император возвеличен настолько, что оказывается за пределами политической борьбы.

Еще один механизм идеологической адаптации «наполеоновской легенды» в культурной системе Июльской монархии – включение Бонапарта и его эпохи в единый нарратив истории Франции – имеет особую значимость, поскольку в последовавшие за Революцией десятилетия, французское общество столкнулось с таким явлением как «кризис памяти» [Terdiman 1993, p. 3]: в условиях постоянной смены политических режимов, каждый из которых стремился стереть любые напоминания о своем предшественнике, ощущение общей национальной истории было утрачено. Коллективная память оказалась фрагментирована; можно сказать, что каждый француз в зависимости от политических симпатий, возраста и социального положения имел свое собственное представление о прошлом

---

<sup>7</sup> Hugo V. Le Retour de l'Empereur. P. 8.

<sup>8</sup> Ibid. P. 12.

<sup>9</sup> Ibid. P. 13.

страны. Для Июльской монархии, возникшей в результате свержения Бурбонов, этот кризис стал вызовом: в условиях необходимости легитимации власти Луи-Филиппа была предпринята попытка формирования единого нарратива французской истории, сочетающего революционное наследие, величие Империи и либеральные идеалы нового правительства.

В оде «К Июлю 1830 г.» Виктор Гюго предпринимает попытку создания новой модели исторического прошлого, интегрирующей все эти эпохи – «истории без лагун». Поэт прямо указывает на преемственность между Империей и Июльской монархией. Он обращается к участникам революции 1830 г. как к сынам героев Наполеоновских войн и провозглашает: «Это их кровь, их душа // В вашей твердой руке, в вашем пламенном взгляде // С них все началось. Сейчас же – ваш черед...»<sup>10</sup>. Гюго развивает идею преемственности между Империей и событиями 1830 г. посредством использования «родительских метафор», рисуя образ Наполеона как гордого отца нового поколения революционеров: «Орел нашей армии, // Чье кровавое перо посеяно в сотне мест, // Чей гром затих в ночном приливе, // Ты, вырастивший их на отчем поле, // Смотри, и радуйся, и кричи, и бей крыльями! // Твои орлята выдупились!»<sup>11</sup>.

В лирике Гюго две эпохи связаны, в первую очередь, общей целью – привести Францию к величию и процветанию, однако их методы различаются. Главный вклад Империи в достижение этой цели – победоносные войны. Именно успехи Великой армии заложили основу международного авторитета Франции. При этом войны значимы не с точки зрения территорий, богатств или славы, а как способ принести открытые Революцией права и свободы другим народам: «Запуганные нации // Были усыновлены ими»<sup>12</sup>. Примечательно, что Дюма приводит схожее обоснование активной внешней политики Наполеона – в его пьесе император видит свою задачу в «обновлении» «старой Европы»<sup>13</sup>.

---

<sup>10</sup> Hugo V. Les Chants du Crépuscule. P. 12.

<sup>11</sup> Ibid. P. 13.

<sup>12</sup> Ibid. P. 20.

<sup>13</sup> Dumas A. Op. cit. P. 51.

Гюго не отказывается от идеи «экспорта» революционных ценностей, несмотря на общие выражения надежды на мирное будущее; однако основное достижение нового режима на пути к процветанию Франции он видит в курсе на укрепление и развитие гражданских институтов, провозглашенном Луи-Филиппом: «Права народа, завоеванные в стольких войнах, // Вы вытащили из савана»<sup>14</sup>.

Кроме того, поэт развивает идею особого исторического пути Франции. Направление этого пути заложено Революцией, развито Наполеоном, но было почти утеряно в годы Реставрации. Июльская революция, таким образом, представляется как акт восстановления справедливости, не просто возвращение на истинный путь, но и его логическое завершение. Гюго выражает надежду на то, что наконец-то получится построить справедливое государство, в котором будут высоко цениться права человека и народ не будет угнетен элитами. Соответственно, истинная Революция, начавшаяся в 1789 г., завершилась только с приходом к власти Луи-Филиппа.

Из идеи исторического пути Франции следует идея обусловленности всех событий некоторой исторической необходимостью. Попытки «раскрытия» этой необходимости прослеживаются и в пьесе Дюма. Так, Наполеон приходит к власти в тот момент, когда становится ясно, что «с Франции достаточно республики»<sup>15</sup>, и выполняет «миссию» по консолидации страны перед лицом внешних угроз и внутренних беспорядков: «Я не хочу быть императором просто потому, что народ решил вознести меня на трон. Я хочу быть императором, потому что, точно так же, как только я мог спасти Францию, только я смогу ее укрепить»<sup>16</sup>. Таким образом, Наполеон стал той «сильной рукой», которая помогла потрясенной Революцией стране сохранить независимость и территориальную целостность, и с этой точки зрения он, несомненно, является «спасителем Франции». И именно действия Наполеона позволили сохранить Францию для завершения Революции и установления по-настоящему демократического

---

<sup>14</sup> Hugo V. *Les Chants du Crépuscule*. P. 12.

<sup>15</sup> Dumas A. *Op. cit.* P. 46.

<sup>16</sup> *Ibid.* P. 51.

режима, каким позиционировало себя правительство Луи-Филиппа в начале 1830-х гг.

В своей «легитимисткой» оде Гюго не просто связывает Июльскую монархию с революционным и имперским прошлым, но и активно эксплицирует идею ликвидации лакун в историческом нарративе: «Ничего не стирайте: Удар меча // Украшает лоб солдата // Оставим разбитому городу // Его боевые шрамы // Наполним этими великими мертвецами // Гробницы Пантеона // Вернем Людовику XVI его могилу, // а Наполеону – его колонну»<sup>17</sup>. Стоит отметить, что для поэта крайне важно восстановление исторических памятников, так как они превращаются в своеобразный «алтарь» своей эпохи. Неслучайно в поэме «Возвращение императора» дух Наполеона может попасть во Францию только через Триумфальную арку<sup>18</sup>.

Даже эпоха Реставрации не может быть стерта из истории: эти «мрачные листы, полные смутной анафемы»<sup>19</sup> необходимы как напоминание о том, что движение Франции вперед, к свободе, могло быть повернуто вспять. В оде «К июлю 1830» Гюго задается вопросом: «... достаточно ли одной позорной руки, // чтобы сменить дорожные таблички?»<sup>20</sup>. События Трех славных дней показали, что недостаточно, а значит, французы могут забыть о политических разногласиях и смириться со сложным прошлым. Гюго призывает «вернуть старых королей нашим отцам»<sup>21</sup> и перестать осуждать правителей прошлого.

В целом Гюго рассматривает историю как нечто превосходящее частные политические убеждения и возвышающееся над ними. История не должна быть «полем битвы», наоборот, осознание и принятие общего прошлого – первый шаг к объединению нации и формированию общей идентичности. Именно поэтому лирический герой поэмы «Возвращение императора» предсказывает Наполеону, что он вернется «без боя,

---

<sup>17</sup> Hugo V. Les Chants du Crépuscule. P. 17–18.

<sup>18</sup> Hugo V. Le Retour de l'Empereur. P. 9.

<sup>19</sup> Ibid. P. 15.

<sup>20</sup> Hugo V. Les Chants du Crépuscule. P. 14.

<sup>21</sup> Ibid. P. 18.

без суеты и без ярости»<sup>22</sup>. А лучший способ обращаться с историей, согласно Гюго, – знать ее и беречь: «Это благочестие – щадить руины»<sup>23</sup>.

Забвение, в свою очередь, ведет к утрате величия страны. Эта мысль считывается и в пьесе Дюма: в сцене, высмеивающей Реставрацию показана огромная очередь на прием к военному министру. Соискатели пенсий обсуждают полк охотников Ла Фейада, а ветеран Великой армии замечает, что «при императоре этот полк назывался бесстрашным»<sup>24</sup>. Таким образом, единственный способ сохранить подлинную французскую честь – помнить и с почтением относиться к боевой славе прошлого. Именно поэтому восстановление исторического нарратива и «возвращение» в него наполеоновской эпохи представляется как восстановление справедливости, «алтаря незаслуженно оскверненной памяти»<sup>25</sup>.

Итак, в условиях «разорванной памяти», характерной для французского сознания в первой половине XIX в., искусственное конструирование связей с прошлым становится инструментом стабилизации общества и обоснованием легитимности действующей власти. Наполеон Бонапарт вновь выступает не как политическая фигура, а как сакральный герой, воплощение «старых добрых времен», превращаясь в символ национального примирения. Поэзия Гюго демонстрирует, что только избавившись от лакун в собственной истории и признав все ее элементы, французы смогут преодолеть свои политические разногласия и двинуться навстречу общему будущему, свободному и счастливому.

Наконец, еще один способ переосмысления образа Наполеона в культурном дискурсе Июльской монархии, также связанный с идеей исторической преемственности, – обоснование легитимности власти императора – был особенно актуален в первые месяцы после революции 1830 г., когда существовала необходимость преодоления идеологических установок свергнутых Бурбонов, в том числе тех, которые были основаны на

---

<sup>22</sup> Hugo V. *Le Retour de l'Empereur*. P. 9.

<sup>23</sup> Hugo V. *Les Chants du Crépuscule*. P. 18.

<sup>24</sup> Dumas A. *Op. cit.* P. 143.

<sup>25</sup> Hugo V. *Les Chants du Crépuscule*. P. 14.

представлении о любой власти, имеющей революционную природу, как о насильственной и незаконной.

Очень показательна трактовка приобретения Наполеоном императорского титула, предлагаемая Александром Дюма. Автор рассматривает Революцию как поворотный момент в истории Франции: рассуждая о судьбе своей страны, Наполеон отмечает, что «Революция приучила народ к тому, что с ним считаются. Они больше не будут терпеть от церкви и аристократов»<sup>26</sup>. Поэтому вполне закономерно, что источником легитимной власти может быть только народ, и император в интерпретации Дюма прекрасно это осознает: «... если настанет день, когда меня назовут узурпатором, мне понадобится голос моей совести, который прокричит: «Единственный законный правитель – избранник народа; и кто, кроме тебя является таковым?»»<sup>27</sup>.

Дюма, описывая провозглашение императором как «всеобщее желание» («vœu général»<sup>28</sup>), показывает, что власть Наполеона легитимна. Это позволяет Наполеону символически отказаться от своего вклада в провозглашение империи – главным инициатором этого события оказывается французский народ, а первый консул всего лишь подчиняется его воле: «Итак, вы прекрасно видите, что именно Франция дает мне титул императора, а не я его беру»<sup>29</sup>. Более того, власть для «сценического» Наполеона – не самоцель, а бремя, которое будет «пожизненно лежать на его плечах»<sup>30</sup>.

Интерпретация акта передачи власти как исполнения всенародной воли характерна и для представления, формируемого в отношении вступления на трон Луи-Филиппа. Как отмечает Н.П. Танышина, «король-гражданин», не принимавший непосредственного участия в Июльской революции, также всего лишь «согласился» [Танышина 2018, с. 36] принять корону, предложенную ему народом Франции. Таким образом, легитимация власти Наполеона Бонапарта, революционной по

---

<sup>26</sup> Dumas A. Op. cit. P. 158.

<sup>27</sup> Ibid. P. 37.

<sup>28</sup> Ibid. P. 44.

<sup>29</sup> Ibid. P. 46.

<sup>30</sup> Ibid. P. 51.

своей природе и исходящей от народа, оказывается и легитимацией власти Луи-Филиппа, первого короля французов, а не Франции.

Приводя аргументы в пользу легитимности власти Наполеона Бонапарта, Дюма как бы вступает в полемику с представителями «черной» легенды об императоре, которые рассматривали действия «корсиканского огра» как узурпацию власти. Другим способом демонизации Наполеона Бонапарта было изображение его как тирана и «душителя свобод»; однако в пьесе Дюма можно найти «ответ» и на это обвинение.

Отношение Наполеона в пьесе к свободе неоднозначно. С одной стороны, Дюма демонстрирует контроль над прессой: за правдивой информацией император обращается к иностранным газетам, поскольку, по его словам, «... в них пишут только то, что я хочу. Я заранее знаю, что там прочту»<sup>31</sup>. Таким образом, автор признает справедливость указаний на отсутствие в наполеоновской Франции свободы слова – основного компонента нарратива «душителя свобод» [Tulard 1965, p. 77].

Тем не менее контроль над прессой вовсе не означает отсутствие «истинной свободы», сформулировать которую Дюма позволяет «народу». В действии, которое посвящено коронации Наполеона, есть сцена, описывающая разговор простых французов, наблюдающих за большим событием. В ходе дискуссии о переменах в политическом устройстве страны один из зевак произносит: «Видите ли, гражданин, свобода – это хлеб по два су за ливр. Свобода – это когда есть работа и за нее платят деньги. Да здравствует свобода! Да здравствует император Наполеон! Никакой другой свободы я не знаю»<sup>32</sup>. Следовательно, Дюма показывает, что в восприятии народа Наполеон не только не был захватчиком власти, но и не лишил населения каких-либо свобод. Напротив, именно политическая стабильность, которой удалось достичь благодаря «сильной руке» Бонапарта, позволила Франции выбраться из хаоса, неизбежно последовавшего за Революцией, и обеспечила достойный уровень жизни для ее граждан.

Нельзя не отметить, что подобное «экономическое» понимание свободы отсылает зрителя скорее к эпохе Июльской

---

<sup>31</sup> Ibid. P. 43.

<sup>32</sup> Ibid. P. 33.

монархии со свойственной ей ориентацией на рост благосостояния граждан [Ганьшина 2019, с. 162], чем к Империи. Таким образом, за счет переноса, современных автору, ценностей политического режима на героизированное прошлое, Дюма осуществляет нормализацию новой ценностной системы, что позволяет еще раз подтвердить законность власти Луи-Филиппа.

Итак, за счет создания параллелей между эпохой Империи и Францией начала 1830-х гг. Александр Дюма обосновывает легитимность режима Июльской монархии.

Кратко обобщая сказанное выше, можно еще раз отметить, что творчество Гюго и Дюма представляет собой важное свидетельство того, каким образом во Франции эпохи Луи-Филиппа происходила переработка исторической памяти. Фигура Наполеона Бонапарта, чей вклад в развитие французской истории намеренно замалчивался режимом Реставрации, триумфально возвращается в культурное поле; теперь император – не просто объект сентиментальной ностальгии старых солдат и даже не самый популярный герой парижской театральной сцены, для Июльской монархии он – еще и идеологически важный символ, способный связать французов с их собственным прошлым и обеспечить власть короля прочными «корнями». При этом, будучи модифицированной в инструмент легитимации, наполеоновская легенда теряет политическую остроту: разделение «императора» и «генерала», сакрализация образа Наполеона и включение связанных с ним событий в единый нарратив французской истории позволяют использовать образ императора как элемент общенационального «славного прошлого», не рискуя начать новый идеологический конфликт.

## ЛИТЕРАТУРА

- 
- Мильчина 2013 – *Мильчина В.А.* Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 944 с.
- Робб 2016 – *Робб Г.* Жизнь Гюго. М: Центрполиграф, 2016. 606 с.

- Таньшина 2018 – *Таньшина Н.П.* Самодержавие и либерализм: эпоха Николая I и Луи Филиппа Орлеанского. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 334 с.
- Таньшина 2019 – *Таньшина Н.П.* “Забытая” Июльская монархия: к вопросу о “модных тенденциях” в историографии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2019. № 19. С. 155–173.
- Terdiman 1993 – *Terdiman R.* Present Past: Modernity and the Memory Crisis. Ithaca: Cornell University Press, 1993. 389 p.
- Tulard 1965 – *Tulard J.* L’Anti-Napoléon: La Légende noire de l’empereur. Paris: Julliard, 1965. 262 p.

## REFERENCES

---

- Milchina, V.A. (2013), *Parizh v 1814–1848 godax: povsednevnyaya zhizn`* [Paris in 1814–1848: everyday life], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Robb, G. (2016), *Zhizn` Gyugo* [Victor Hugo], Centrpoligraf, Moscow, Russia.
- Tan'shina, N.P. (2018), *Samoderzhavie i liberalizm: epokha Nikolaya I i Lui-Filippa Orleanskogo* [Autocracy and liberalism: the era of Nicholas II and Louis-Philippe d'Orléans], Politicheskaya ehntsiklopediya, Moscow, Russia.
- Tan'shina, N.P. (2019), “The ‘Forgotten’ July Monarchy: On the Question of ‘Fashion Trends’ in Historiography”, *Trudy kafedry istorii Novogo i noveishego vremeni*, vol. 1, no. 19, pp. 155–173.
- Terdiman, R. (1993), *Present Past: Modernity and the Memory Crisis*, Cornell University Press, Ithaca, USA.
- Tulard, J. (1965), *L’Anti-Napoléon: La Légende noire de l’empereur* [The Anti-Napoleon: The Black Legend of the Emperor], Julliard, Paris, France.

## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

---

*Полина А. Баландина*, студентка магистратуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-кт. Вернадского, д. 82, стр. 1, [pol-bal.balandina@yandex.ru](mailto:pol-bal.balandina@yandex.ru)

## INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

---

Polina A. Balandina, master's student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bld. 1, 82 Vernadsky prospect, Moscow, Russia, 119571, [pol-bal.balandina@yandex.ru](mailto:pol-bal.balandina@yandex.ru)